

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

Я знаю силу слов,
я знаю слов набат.
В. Маяковский.

В декабре 1925 г. Маяковский вернулся в Москву из большой заграничной поездки. Он очень тосковал за границей. В его письмах к близким тревожное чувство — «ужасно хочется в Москву»; «...боюсь прослыть провинциалом, но до чего же мне не хочется ездить...» И в стихах та же тоска по родине и — недоумение:

Почему
под иностранными дождями
вымокать мне,
гнить мне
и ржаветь?

Самое сильное впечатление Маяковского от Москвы — доклад товарища Сталина на XIV съезде партии. Гениальный сталинский план индустриализации нашей страны, план укрепления ее оборонной мощи заполняет воображение поэта. В ряд точных сталинских формул складываются образцы знаменитого стихотворения «Домой!».

Я себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим счастье.

И дальше: «завод» поэзии должен работать по плану:

Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан,
мне давая
задания на год.

Огромны требования Маяковского к поэзии, к самому себе: стать необходимым, завоевать такое место в жизни страны, так работать, чтобы «о работе стихов от Политбюро... делал доклады Сталин».

Разве не осуществилась молодая мечта Маяковского в постановлении правительства о Сталинских премиях? А в этом году в условиях войны слова поэта — «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» — оправдываются в точности. Поэт-воин, писатель-боец — это уже не метафоры.

В творчестве Маяковского, в его отношении к поэзии подучил свое наиболее глубокое воплощение образ поэта атакующего, поэта-бойца.

Без идей не может жить поэзия. Маяковскому это приходилось доказывать в его сокрушительных спорах с «фигуристиками, имажинистиками, акмеистиками, задуравшимися в паузичные рифмы». И он требовал от поэта серьезности и в содержании, и в форме стиха, «протестуя против недооценки уровня нашего читателя, выросшего и поумневшего в опыте войны и революции. Передовой боец советской эпохи на фронте культуры, Маяковский и в своей творческой деятельности, и в своей личности стал воплощением героики советского народа — его победного торжества, его трудовой и боевой страды. Страстное, не знающее полутонов, полное любви и вражды, точное отношение к действительности определяло его позицию на каждом историческом этапе нашей борьбы. Необыкновенно напористый, с очень острым политическим чутьем, с огромным революционным темпераментом, Маяковский был рожден для активной общественной деятельности. Его поэзия — лирическая автобиография борца, строителя социализма. Лирический герой Маяковского — это поэт-гражданин, для которого источником поэтического вдохновения оказывается вся советская действительность с ее праздниками и буднями, с большими и малыми радостями и заботами, «с блеском чудес и с вонью чернил». От грязи на Мясницкой улице до Генуэзской конференции, от текстов к санитарным плакатам о пользе кипяченой воды — до больших героических поэм «Ленин» и «Хорошо!» Маяковский умел охватить народную жизнь в целом и показать нашим людям, за что они борются, за что проливают кровь.

Его патриотизм был совершенно органическим, патриотизм рабочего и война в поэзии, при помощи поэзии. Гневно высмеивал Маяковский тех, кто не понимал военной угрозы, которая не раз нависала над нашей свободной страной. Где бы он Маяковский ни находился и о чем бы он ни писал, он работал для войны, на войну, для победы своего отечества. Но он требовал от себя еще большего. И он, написавший столько замечательных оборонных стихотворений, создавший классические произведения о любви к родине, считал себя в долгу перед Красной Армией, «перед всем, про что не успел написать».

Всем своим творчеством, своим образом поэта-бойца Маяковский жив сегодня, Маяковский с нами кует стальную, несокрушимую волю к победе над фашизмом.

Воин должен в совершенстве изучить свое оружие. Этому постоянно требовал Маяковский от поэтов. «Слово — полководец человеческой силы» — вот пламенный девиз его поэтического мастерства. Маяковский прошел огромный путь поэтических исканий. Он познал не только «силу слов, слов набат», но и «магию» слова, то трудно поддающееся учету, но совершенно реальное психологическое воздействие языка поэзии, который одному ему свойственным путем доводит идею до самых таинственных глубин мозга и сердца, заворачивает чувство, направляет волю и предопределяет поступки человека. В молодости он взывал:

Творишь, просветленных страданием
слов,
нечеловечья магия!

Огромным трудом, о котором он дал представление в своей статье «Как делать стихи», Маяковский исследовал «тысячи тонн словесной руды», ничем не пренебрег в едва уловимых, на первый взгляд, но страшно важных для разрешения поэтической задачи особенностях слова, как материала поэзии, не отверг и магию поэтического языка, а подчинил ее выявлению стиха «весомого, грубого, аримого», стиха наступательного, мобилизующего чувства и волю на отпор врагу.

После Октябрьской революции в творчестве Маяковского происходит перелом: поэт решительно обращается к народным жанрам и образам в «Мистерии-Буфф» и «150.000.000», к народной речи в «Окнах сатиры РОСТА», в поучительно-веселых «рассказах», адресованных к рядовому красноармейцу и крестьянину. Русский язык, обескровленный и обмелевший в поэтической культуре буржуазного декаданса, вновь воспрянул в его поэзии. И сам Маяковский признавал:

Я обкармливал.
Я обкармливался деликатесами
досыта.

Ныне —
мозг мой чист.
Язык мой гол.
Я говорю просто —
фразами учебника Марго.

Всякий, кто имел случай наблюдать, с каким восторгом наша массовая аудитория узнает свое, родное в метком, богатом разговорными оттенками, задорном и умном просторечии Маяковского, не может не сказать себе: какой русский поэт — лучший поэт нашей эпохи!

«Ищем речи точной и нагой», — говорил Маяковский, обращаясь к Пушкину. И невольно вспоминается пушкинское: «Прелесть нагой простоты — так еще для нас непонятна, что даже в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем».

Маяковский возвращал поэтическому языку силу и свежесть языка жизни. Он приблизил новый русский стих к народному сказовому истокам. Языковое новаторство Маяковского почтено — оно в кровном родстве с фольклором, своими корнями оно уходит в историческую толщу русского языка. Многие ошеломляюще оригинальные его метафоры представляют лишь переделку пословиц и поговорок.

С исключительной силой советского патриотизма утвердил Маяковский в своей поэзии величие русского языка, спла-

чивающего все народы СССР в братской связи и единстве. Он был русский человек, родившийся и проведший юные годы своей жизни на Кавказе, в кипящем котле национально-освободительной борьбы против российского самодержавия. И он не навидел забесившихся в 1905 году великодержавных российских шовинистов. Во время одной из рабочих демонстраций на улицах Кутаиси Маяковский, прекрасно владевший грузинским языком, читал по-грузински революционное стихотворение поэта Эвдошвили:

Товарищи, идите вперед, вперед,
Да не дрогнут ваши сердца,
Хоть на груди появится кровавое
тавро,

А на лбу — ручки пота.
Любовь к своему, родному никогда не
заслоняла от Маяковского ценности созданного другими народами. Но о русском языке он сказал, обращаясь к юношеству всего нашего многонационального государства:

Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.

Во славу советской родины окрепла в дни войны боевая дружба поэтов всех наших народов. Николай Тихонов, С. Маршак, М. Рылский, Леонид Первомайский, Самед Вургун, К. Симонов, А. Сурков, Джамбул, А. Малышко, М. Танк — а сколько еще и других имен, которым война дала и новый источник вдохновения, и новый блеск писательского мастерства.

При всем разнообразии художественных индивидуальностей и поэтических форм эти поэты-бойцы утверждают своим творчеством: мы с Маяковским!

Маяковский постоянно, настойчиво говорил о своей поэзии, как об оружии. И это казалось поэтическим сравнением. Он называл песню и стих «бомбой и знаменем», страницы своих книг — войсками, и даже различал роды войск — «кавалерия острот». Все это было не только блестящим сравнением. Он не просто уподоблял слово оружию, физической силе, он добился в своей поэзии **физической силы слова**.

И потому, когда мы думаем о тех, кого нам так не хватает в нашей грозной нерушимой Москве, с особенным чувством мы вспоминаем Маяковского: Как любил он этот город! Москва и Маяковский были как бы созданными друг для друга, — с каким восторгом принял бы чудесный народ, отражавший врага на подступах к Москве, набатное слово своего поэта!

В поэме «Хорошо!» Маяковский дал клятву от лица всего народа:

Мы будем работать,
все стерпя,
чтоб жизнь,
колеса дней тороя,
бежала
в железном марше...

Мы повторим сегодня эту клятву Маяковского.

Нам предстоит битвы, каких не знала история. Маяковский — знамя поэзии нашей советской эпохи. Оно вручено нам Сталиным. Будем же достойны своего знамени, будем работать честно и неутомимо, чтобы приблизить час нашей победы.